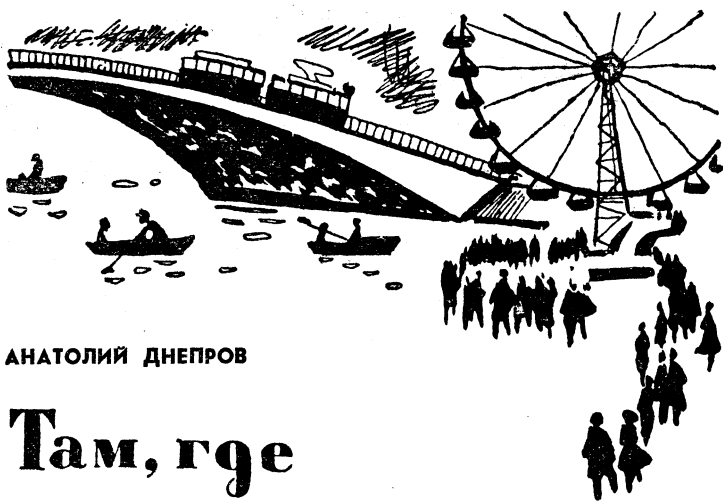

Рисунки В. КОВЫНЕВА

АНАТОЛИЙ ДНЕПРОВ

Там, где кончается река

Фантастический рассказ

Когда я выхожу из высокого серого здания с могучими колоннами и спускаюсь вниз по широкой гранитной лестнице, меня охватывает чувство, будто ничего этого никогда не будет и что все, что там может произойти, — плод моего воображения. Я щурюсь от яркого солнечного света, меня оглушает шум уличного движения, а голоса прохожих, среди которых я затерялся, кажутся мне чересчур громкими.

На этой улице и на других улицах и площадях все мне кажется совершенно новым и незнакомым, хотя смысл, который я вкладываю в слово «незнакомый», в данном случае совсем не тот, который существует в понимании большинства людей.

Я иду по улице и внимательно рассматриваю спешащих навстречу мужчин и женщин, всматриваюсь в их лица, разглядываю их одежду, и меня поражает фантастическое многообразие и пестрота во всем. Именно пестрота, от которой рябит в глазах, а в висках больно стучит кровь. И я не могу поверить, что величественный серый дом с его полупустыми, похожими на музейные залы имеет какое-то отношение к этому многоголосому, красочному, бурлящему, как океан, миру.

Особенно трудно привыкнуть к шуму и непрерывному движению. Только сейчас я начинаю понимать, что почти всякое

движение сопровождается шумом, иногда едва уловимым, но чаще грохочущим, звенящим, стучащим, воющим, скрипящим, и все это сливается вместе в то, что привыкли называть гармонией большого города.

Я вижу, что прохожие обращают на меня внимание, а может быть, это было так и раньше, но только тогда я этого не замечал. А сейчас для меня имеет значение все: и лица людей, и выражение их глаз, и движение рук, и то, как на мгновение они останавливают взгляды на мне и после торопятся вперед.

О большом сером здании с колоннами я забываю, как только дохожу до моста через реку. По нему я иду медленно, очень медленно, и теперь меня перегоняют шедшие до этого сзади, а после некоторые поворачивают голову и сердито смотрят, потому что я иду слишком медленно и, наверное, мешаю им куда-то спешить. Люди пронесются мимо, а я иду вдоль перил и смотрю на воду, которая тоже куда-то несется подо мной.

Я останавливаюсь посреди моста и смотрю вниз на желтую воду — она очень желтая, и только на волнах покачиваются ключья отраженного голубого или серого неба.

Берега реки закованы в гранит, такой же серый, как и то здание, которое я только что покинул. Вероятно, из-за цвета набережной в моем сознании дом с колоннами как-то связывается с рекой, с этим мостом и с желтой водой, лениво убегающей у меня под ногами.

А прохожие обходят меня, неодобрительно оглядываясь, и, наверное, думают, что я порядочный бездельник, если вот так, как сейчас, могу стоять у перил моста и смотреть на желтую воду, которая течет туда, куда ей положено течь.

Мне становится весело от мысли, что многие принимают меня за бездельника, от нечего делать глазающего на течение реки, и тогда я снова мысленно переносюсь в полупустые залы и вспоминаю все до последней мелочи, ибо мир состоит из мелочей, которые только кажутся незначительными.

При первом знакомстве Горгадзе прямо спросил, умею ли я «замечать». Я не понял, что он имел в виду, но после его разъяснения мне стало ясно, что под этим словом он подразумевал все на свете, а значит, особенно не нужно было ломать голову, что я д о л ж е н уметь замечать.

Сначала были тесты, подобные тем, которые раньше педологи предлагали ученикам, чтобы определить степень их внимательности, — огромные листы бумаги с точками, крестиками, кружочками. Их нужно было либо закрасить в разные цвета, либо перечеркнуть через один или через три, либо отметить фиолетовыми и красными чернилами.

Я очень быстро справился с этим, и Горгадзе сказал, что моей способности замечать мелочи может позавидовать самый совершенный автомат.

Постепенно от тестов на бумаге мы перешли к тестам более простым и одновременно более сложным.

Мелочи нужно было обнаруживать там, где их, казалось, вовсе и не существует: например, на идеальном стеклянном шаре, или на полированной поверхности металла, или еще на чем-нибудь удивительно простом.

Сначала я думал, что должен заметить крохотную царапину, вмятину, пылинку, но после обнаружилось, что есть еще бесконечно много других мелочей... И я увидел искаженное отражение высокого, доходящего почти до потолка стрельчатого окна, через которое пробивался дневной свет и мимо которого плыли белые облака. Увидел, как в шаре отражаются мое собственное лицо, руки, кажущиеся неимоверно огромными. А на мгновение по нему в разные стороны растекались усы Горгадзе и его улыбающиеся губы, хотя он никогда не улыбается.

С поверхностью металла дело обстояло значительно сложнее, потому что в нем отражается все, весь мир, и, значит, нужно было заметить все и об этом подробно написать в рабочем дневнике.

Я учился замечать подробней не только на отдельных предметах, но и на сложном собрании их, или, как говорил Горгадзе, на ансамбле предметов, и тогда число мелочей росло в фантастической пропорции. А когда для такого изучения он поставил передо мной картину Крымова «Женщина в голубом», я исписал целую толстую тетрадь. Там было обо всем: о каждой мазке кисти художника, обо всех оттенках красок и о выражении лица женщины, которая, конечно, была смертельно больна. Это видно сразу, если обратить внимание на синеватые пятна на ее руках и на голубоватую дымку, сквозь которую как бы просвечивает лицо женщины. Кажется, что она куда-то уходит, или почти ушла, или находится на границе между реальным и нереальным.

За то, что я это заметил, Горгадзе особенно похвалил меня, и тогда мы перешли к завершающему этапу тренировки, в течение которого я должен был научиться замечать и запоминать мелочи, попадающиеся на глаза в реальной жизни.

На это ушло три месяца, и после я удивлялся сам себе: я стал на редкость внимательным и мгновенно запоминал все...

Одновременно пришло чувство з н а ч и т е л ь н о с т и любой так называемой мелочи, понимание того, что из мира нельзя изъять ни одной крупинки, ни одного атома, а если это каким-то чудом и сделать, то тогда рухнет вся вселенная.

По правде говоря, я стою посреди моста и смотрю на бегущую реку не только для того, чтобы еще и еще раз убедиться, что без этой реки, и без вот той крохотной волны, и без моста, и без меня вселенная существовать не может... Это для меня аксиома. Но если вселенная не может существовать без таких мелочей, то она и по давню не может существовать без того человека, которого я здесь жду.

Я смотрю на свои часы и по углу между стрелками определяю время. В курс тренировки входило определение времени без часов, и я это могу делать днем и ночью с точностью до секунды. На часы я смотрю просто для того, чтобы еще раз удивиться, до чего же это таинственный механизм. Более того, я уверен, что из всех самых непонятных и таинственных вещей на свете с а м ы м непонятным и таинственным предметом являются часы — все равно какие. Или мои наручные, или вон те, большие, электрические, которые висят на столбе... Тайна этого прибора в его простоте. Подумать толь-

ко: от угла между большой и маленькой стрелками зависят затмения Луны и Солнца, распад атомов урана, движение переменных звезд и железнодорожных поездов.

Горгадзе всегда говорил, что от часов нужно избавиться, потому что они только запутывают суть дела и вносят сумятицу в понимание проблемы. Поэтому нужно научиться не обращать внимания на часы и вообще о них не думать.

Мои часы мне ни к чему, я их ношу по привычке, просто для того, чтобы иногда пытаться постигнуть их непостижимую тайну. А тайна здесь какая-то есть — может быть, одна из тех, на которых стоит весь мир.

Ведь недаром же вот сейчас, когда обе стрелки слились, когда колесики и пружинки поставили их так, что время стало называться половиной шестого, человек, которого я жду, появился на противоположном конце моста. Как закон или неизбежная судьба. Как вспышка новой звезды в далекой галактике.

Я издали вижу, что, как всегда, она идет неторопливой походкой и, как всегда, улыбается. И я заранее знаю, что, когда она поравняется со мной, улыбка исчезнет с ее лица и она пройдет мимо, глядя на противоположную сторону моста.

Ее лицо запомнилось мне с первого раза навсегда и так ярко, как ничто другое, и все же в каждую следующую встречу я открываю для себя в нем все новые и новые черты. Вот и на этот раз...

Но она, как всегда, я знаю, очень медленно пройдет мимо, как бы ожидая, что я ее окликну или что-нибудь спрошу, а когда этого не случится, зашагает быстрее, разочарованная и даже рассерженная.

А может быть, мне это только кажется, и в наших встречах нет ничего особенного, и она просто думает, как многие другие прохожие, что я стою на мосту от нечего делать и к тому, что я здесь стою, она не имеет никакого отношения.

А я каждый раз даю себе слово хоть на минутку стать храбрым, остановить ее и сказать, что я так больше не могу и что для меня она весь мир, и особенно сейчас, когда все тренировки, которые придумал Горгадзе, позади, и я жду главного...

Я заранее знаю, что храбрым не стану, и что сегодня будет то же, что вчера, позавчера, неделю и месяц тому назад, и я просто еще раз буду провожать удаляющуюся фигурку глазами до тех пор, пока она не скроется. Потом побреду обратно, ей вслед, проклиная свою нерешительность и мечтая о том, чтобы скорее все началось сначала.

По мере того как девушка приближается, мои руки все судорожнее сжимают чугунные перила, и я замечаю все мелочи.

Она идет очень медленно, плавно, слегка покачиваясь, и в этой походке есть что-то по-детски озорное, небрежное и очаровательное. Я вижу ее голубые глаза, полуоткрытый розовый рот, легкий румянец и беспокойную прядь каштановых волос, которую треплет легкий ветерок.

Горгадзе часто повторял, что в мире важны не столько предметы, сколько их движения, поэтому нельзя влюбиться даже в самую красивую, но неподвижную статую.

Если говорить правду, то о Горгадзе и огромном здании с полупустыми залами я забываю только на одно мгновение, на тот теряющийся в океане времени миг, когда она оказывается рядом со мной. Даже мой натренированный мозг не в состоянии определить этот интервал времени — до того он краток. У меня внезапно появляется жгучее желание усилием воли растянуть этот интервал до бесконечности, и вот здесь наступает что-то похожее на облегчение, вспыхивает надежда, в сердце вздрагивает чувство, похожее на чувство мести.

Закусив губы, я начинаю думать о том, что если Горгадзе прав, то всем моим мукам скоро конец, и о том, что когда это наступит, то я выброшу свои часы, как ненужные.

Я взглянул на циферблат — стрелки разошлись ровно на столько, на сколько я и предвидел, и она поравнялась со мной...

— Скажите пожалуйста, который час?

Я окаменел.

Перед глазами плывут желтые пятна, и среди них, как отражение солнца в волнах реки, светится ее лицо, то самое лицо, которое я так хорошо знаю.

— У вас, кажется, есть часы?

Я нелепо киваю головой и тяну рукав пиджака.

— Я вижу. Половина шестого. Спасибо.

И она повернулась, чтобы опять уйти.

— Пойдите...

Когда мы пошли рядом, мне стало чертовски радостно и весело. Был взят какой-то тяжелый, требующий огромного душевного напряжения барьер, и теперь все оказалось легко и просто.

Мы болтали обо всем на свете, и она иногда останавливалась, и ее глаза светились неподдельным удивлением, когда я сообщал ей что-нибудь такое, чего она не знала или о чем никогда не думала.

— Я вас знаю давным-давно, — сказал я, когда мы уселись на скамейке в сквере.

— Я вас тоже. Вы мне даже раз или два снились. Стоите себе на мосту с каким-то странным выражением лица. Я иногда даже думала, что вы собираетесь кинуться в реку. Не знаю, почему я так думала, наверное, потому, что у вас действительно всегда было такое странное выражение лица.

— Я прихожу туда, чтобы встретить вас...

— А я об этом догадалась давно и тогда перестала бояться за вас.

— А вы боялись за меня?

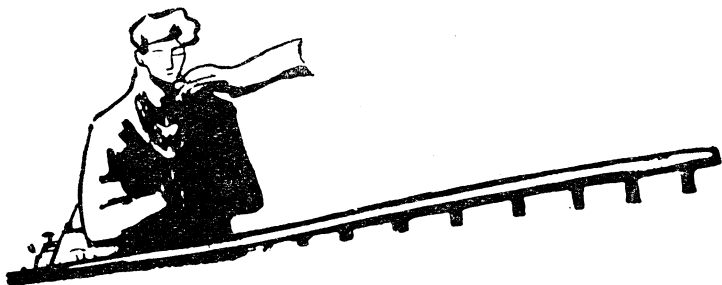
— Очень, — ответила она, — особенно ранней весной, когда вода в реке была еще холодной.

В темноте при свете первых фонарей она кажется мне еще красивее, и я иногда умолкаю, чтобы просто слушать ее голос, не очень заботясь о том, чтобы понимать, о чем она говорит. После снова говорю я, и так было до тех пор, пока на башне куранты не пробили полночь.

Она вздрогнула, а я тихонько взял ее руку и прошептал:

— Это скоро кончится...

— Что?

— Тирания... Тирания времени... Вы помните, у Гёте: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

— Помню...

Когда мы дошли до ее дома и взялись за руки, чтобы попрощаться, у меня возникло такое чувство, будто мы старинные-престаринные друзья, и было нелепо несколько месяцев стоять без толку на мосту и смотреть на желтую воду и на стрелки часов.

А может быть, не так уж и нелепо, как мне казалось. Ничего нельзя уже переменить, а то, что должно было свершиться, свершилось, и, значит, так и нужно.

Я все еще продолжал верить, что поток времени совершенно неуправляем, что против его течения человек бессилён, а будущее давным-давно готово, лежит себе, как на складе, и ждет момента, чтобы неизбежно превратиться в настоящее... Все наше будущее существует себе с незапамятных времен, готовенькое, и ждет своего времени.

— Именно такая концепция породила множество нелепых фантазий о машине времени, — сурово поучал Горгадзе. — Нельзя совершить путешествие туда, где ничего нет... Будущее — это постепенное, кропотливое, мучительное созидание, в котором участвуют силы природы и силы человека. Его мы создаем, строим по зримым и незримым чертежам и планам. А пока эти чертежи и планы не реализованы, нечего и мечтать о путешествии в ничто.

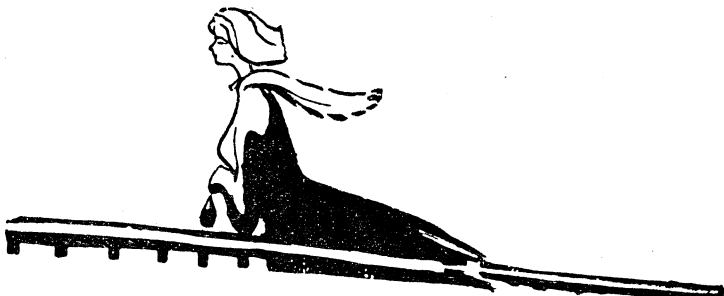
Голос Горгадзе гулко отражался под сводами высоких залов, и от этого смысл его слов становился торжественным и величественным. Горгадзе посвятил всю свою жизнь тому, чтобы разрушить концепцию машины времени, доказать всю ее нелепость и бессмысленность. А сделать это можно было, только создав нечто совершенно противоположное.

— Реальным является только настоящее.

А кто в этом сомневается? Машина времени — это неизбежная мечта человека, не сознающего своего собственного величия. Такому человеку кажется, что его завтрашний день давно ему уготовлен и остается только покорно ждать.

— Реальным является только настоящее.

Рано утром, поднимаясь по широкой лестнице в этот серый дом, я заранее знаю, что будет дальше. Я буду смотреть на экран осциллографа, где неподвижно застыли причудливые кривые, которые изображают волны, несущиеся с фантастической скоростью. И буду удивляться тому, что этот незамысло-

ватый прибор о с т а н о в и л течение времени, и то, что мчит-ся, летит, изменяется, на экране омертвело и застыло... Я буду долго смотреть на бешено вращающееся колесо. Его спицы освещаются быстро мигающей лампой — и вот теперь оно стоит совершенно неподвижно, и течение времени прекратилось...

Горгадзе снова и снова покажет мне фильм, на котором запечатлен всего лишь один неподвижный гоночный автомобиль. Гонщик сидит в напряженной позе, упрятав голову в плечи так, что над сиденьем возвышается только его белый шлем.

— Обратите внимание, автомобиль неподвижен, хотя он и несется вперед. Просто съемки производились с другого автомобиля, который мчался с такой же скоростью...

А вот другой фильм.

В голубом небе парит очаровательная девушка. Она с раскрытым парашютом, широко раскинула руки и замерла в бездонной голубизне. На ней оранжевый комбинезон, и она напоминает неземное существо, покорившее силу тяжести.

— Камнем падает на землю, — бормочет Горгадзе. — Но ее снимал другой парашютист, который падал так же, как и она...

Да, идея предельно ясна: для того чтобы остановить течение времени, нужно научиться двигаться с его же скоростью!

Я долго не мог понять, что значит двигаться с той же скоростью, что и время, пока, наконец, в процессе тренировки до меня не дошел смысл этого. Я фиксирую внимание на множестве мелочей, я их запоминаю, я их фотографирую в своем сознании, и они оказываются навсегда выхваченными из потока времени. Теперь они уже вне изменений, и над ними ничто не властно...

Значительно позже Горгадзе раскрыл сущность моих тренировок. Он сказал, что они нужны так же, как нужны тренировки для любого другого путешествия: в горы, на плоту через океан, в космос... Я столкнусь с необычным миром, где время перестанет течь... Это должен быть мир застывших движений, неизменных предметов, мир, состоящий из бездны связанных друг с другом мелочей, как величественный храм, построенный из миллионов сцементированных кирпичей... Движения и изменения не позволяют в деталях изучить запутанную структуру мироздания, и поэтому путешествие в мир без времени станет началом величайшей революции в истории познания, революции, не знающей себе равной во всей истории науки...

Я поднимаюсь по ступеням в здание, которое когда-то было не то музеем, не то католической церковью, и заранее знаю, что Горгадзе снова и снова будет повторять мне то, что я уже давно усвоил, но что я должен сделать частью себя, иначе опыт не удастся.

И то, что я знаю, как все будет, почему-то убеждает меня, что будущее все же существует в реальности, что оно меня ждет именно таким, каким я его предвижу. Я начинаю сомневаться в том, что нельзя построить машину времени, и уже готов доверить свои сомнения Горгадзе, как вдруг он сам, прославленный ученый, выдающийся знаток теории времени, встречает меня вовсе не там, где обычно, а прямо возле самого входа...

По его глазам и сосредоточенному выражению лица я понимаю, что он догадался о моих сомнениях и вот так, просто, нарушив привычное течение событий, вышел мне навстречу...

— Сегодня, — сказал он коротко. — Сейчас. Вы готовы?

Мне казалось, что я всегда был готов, вернее, давно уже готов к тому, чтобы броситься в омут безвременья, но сейчас, когда это мгновение наступило, я вздрогнул и заколебался...

— Если вы не готовы, можно подождать.

Подождать? Ах, да, конечно, нужно подождать! До того момента, когда обе стрелки часов не сольются в одну...

— Если не возражаете...

— Нет, что вы! В таких случаях не возражают... Делайте что хотите, а когда будете готовы, приходите.

Он исчез в полумраке, но долго не смолкающие гулкие шаги свидетельствовали о том, что он идет в самый дальний зал, где под стеклянным колпаком стоит его стробоскоп времени.

И вот я снова в толпе быстро идущих людей, среди грохота и шума большого города. Всматриваюсь в мелькающие лица, смеющиеся глаза, в солнечные зайчики, прыгающие по трепетной утренней листве, и мне кажется, что иначе и быть не может, и нужно действительно быть таким, как Горгадзе, чтобы додуматься до машины, останавливающей время.

Я силеня представить себе, как все будет, что я буду чувствовать, когда все остановится и я буду бродить (именно так сказал Горгадзе — б р о д и т ь!) в мире без времени.

Это все равно, что смотреть на живую картину, великолепную картину, написанную великим мастером, думалось мне...

Долго я стоял на трамвайной остановке и почему-то снова и снова следил за тем, как останавливался трамвай, как переставали вращаться его колеса, и передо мной возникала красная стенка вагона, а после он трогался с места, красное полотно исчезало, а на той стороне улицы торопливо шли люди, открывались и закрывались двери магазинов, и порывистый городской ветер непрерывно шарил в густых кронах лип, что растут вдоль тротуара...

Когда это начнется, я пойду на свой мост!

А она еще не знает, какой у меня сегодня особенный день. Я ничего ей об этом не рассказывал, разве что только намекнул, процитировав Гёте. Но как она могла догадаться, что это не образ и не простая поэзия, а уже р е а л ь н о с т ь! Пос-

ле, когда опыт кончится, я расскажу ей про все: про машину времени, которую никогда нельзя будет построить, про Горгадзе и про его уже созданный, стоящий под стеклянным колпаком стробоскоп времени.

Я иду и замечаю множество мелочей, без которых вселенная немислима. Но эти мелочи так быстротечны, так мгновенны, что они теряют всякое значение и начинают казаться действительно мелочами.

От мысли, что в половине шестого они перестанут быть мелочами и приобретут то значение, которое им по праву должно быть приписано, мне становится не по себе.

Я пересекаю широкую историческую площадь, и мой взгляд останавливается на обветренных временем старинных стенах. Я начинаю подозревать, что когда окажусь вне потока времени, то тогда все — не только эти стены — будет казаться мне давно минувшей историей.

Здесь опять противоречие. Ведь без времени не может быть никакой истории, кроме того, что есть на самом деле. И все же мне так хочется, чтобы в мире без времени была хоть какая-нибудь жизнь, а не просто кладбище застывших движений.

Площадь гремяет от потока автомобилей и автобусов, и я невольно улыбаюсь, вспомнив о Мюнхгаузене, который услышал оттаявшие звуки рожка... В мире без времени должно быть вечное молчание, незблемая тишина, в бездне которой должно потонуть биение собственного сердца и собственное дыхание.

Я обязательно пойду с ней на эту площадь и после расскажу подробно, как прошел опыт, что я видел и чувствовал, особенно тогда, когда она была рядом со мной.

Безвременно должно быть похожим на вечность или на что-то в этом роде. А может быть, это будет просто крошечный мрак, тот самый, о котором говорил Горгадзе:

— Направьте телескоп на ту часть вселенной, где нет ни одной звезды, в черную пустоту, в бездонную пропасть и попытайтесь там найти намек на течение времени.

Несколько ночей подряд я смотрел в телескоп в ничто, и постепенно мной овладевало сознание, что пустота это и есть конец времени... Но стоило прибор повернуть на какой-нибудь градус-полтора, и перед глазами начинало искриться звездное небо, где все менялось, мерцало и вспыхивало.

— Звезды, галактики, сверхгалактики — это острова времени во вселенной. Между ними ничего нет... Нет и времени...

А что, если справедливо и обратное?

На мгновение мне становится жутко от возможности вместе со стробоскопом опуститься в черную неподвижность, раствориться в ней и навсегда исчезнуть.

Сейчас время летит, незаметно для меня подкрадываясь к роковому мгновению, и я начинаю лихорадочно искать самый короткий путь, чтобы побыстрее вернуться к Горгадзе.

По дороге я сталкиваюсь с прохожими, вслед мне несутся не совсем приятные слова, а мне весело. Скоро, скорее, чем они думают, я буду бродить среди них, как среди памятников, но они-то этого и не подозревают!

И опять я ничего не предвидел. Я думал, что Горгадзе, как

и утром, встретит меня у самого входа, а он стоял в большом зале, в глубине здания, в окружении моих товарищей.

Это они делали под его руководством все, чтобы сегодня я отправился в путешествие. Они стояли справа и слева от Горгадзе и внимательно смотрели, как я подходил. Собрались, чтобы меня проводить... На их лицах было выражение торжественности, озабоченности и тревоги. Никто не проронил ни слова, говорил только Горгадзе.

— Запоминайте мелочи, все до одной. После вам придется много и подробно обо всем писать. И еще, не торопитесь... Впрочем, сейчас это уже не то слово... На этот счет, по правде говоря, я не могу дать вам никаких указаний, потому что я не знаю, какие указания там пригодятся... Прибор остановится автоматически... Вас интересует, через сколько времени? Этот вопрос теперь не имеет смысла, поэтому вы о нем не думайте. Нужно только нажать кнопку, а дальше все пойдет своим чередом... Может быть, не пойдет, а остановится своим чередом... Я не знаю... Я вас не ограничиваю ничем. Вы можете начать опыт с любого момента и с любого места. Только прошу — запоминайте мелочи!

Я попытался улыбнуться и потянулся к стробоскопу времени.

— И еще одно: вы не должны, находясь там, делать какие-либо суждения или обобщения. Они могут быть неверными, и вы вернетесь с искаженным представлением об увиденном и пережитом. Это будет большой урон для науки. Выводы мы сделаем после того, как вы опишете все мелочи.

«Находясь там... Находясь там... Так ведь это же здесь, совсем рядом, всего в пяти минутах ходьбы!»

Товарищи по очереди пожимают мне руку. С прибором наготове я шагаю к яркому прямоугольнику двери и выхожу на шумную улицу, освещенную оранжевым вечерним солнцем.

Было бы неправдой сказать, что я не волнуюсь. Конечно, не настало, чтобы отказаться от опыта, но я чувствую, что сейчас должно произойти что-то странное, то, чего нельзя никак предвидеть, что было ясно только теоретически, и то лишь в самых общих чертах. Я почему-то думаю, что все героические опыты прошлого, какими незначительными они бы ни были, всегда таили в себе крупицу опасности именно потому, что будущее во всех деталях нельзя предвидеть даже при помощи самых точных теорий...

Меня успокаивает то, что речь идет не о предвидении будущего, а только о настоящем, и если в этот момент со мной ничего не случится, то, значит, ничего не случится никогда.

И вот я уже вижу ее.

Сейчас она идет быстрее, чем раньше, той задорной, смелой походкой счастливой девушки, которая знает, что ее всегда ждут.

— Я не опоздала? — спрашивает она, немного задыхаясь.

— Нет...

— У вас опять странное выражение глаз... Вы...

— Я в полном порядке... Я только прошу вас... Как вам сказать... Я очень прошу вас меня не покидать, что бы сегодня ни случилось...

Она громко смеется и крепко сжимает мою руку.

— Идем! Я вам расскажу, как вы мне приснились еще раз...

«Сейчас или немного погодя? Кто знает, когда наступает настоящее счастье? И вообще, существует ли такой момент? А если его не существует, то тогда можно и сейчас...»

Я на секунду останавливаюсь и привлекаю ее к себе.

...Она попятилась назад, и мне показалось, что она испугалась моего слишком смелого движения и того, как громко что-то щелкнуло в моей сумке, висевшей через плечо. Она действительно попятилась назад, но очень странно улыбаясь и помакивая сумочкой. Мимо меня прошел какой-то человек и на мгновение заслонил ее спиной, а когда он отошел в сторону, я уже ее не видел. Я ужаснулся тому, что она так внезапно исчезла, и только тогда сообразил, что после щелчка прибор не начал работать. Я не знал, что мне делать, и несколько секунд стоял в раздумье, как вдруг увидел автомобиль.

Это было обыкновенное такси «Волга» — оно показалось из-за поворота и ехало в мою сторону задом наперед.

Когда автомобиль поравнялся со мной, шофер высунулся из окна, лукаво подмигнул и крикнул:

— Счастливая парочка!

Она рядом засмеялась.

— Веселый парень, не правда ли? — сказала она, когда такси снова двинулось вперед.

— Вы... вы...

Из-за поворота опять появился автомобиль, но теперь он ехал, как положено. Однако колеса у него вращались в противоположную сторону!!!

— Вы куда-то... уходили?

Вместо ответа я увидел ее на противоположном конце моста, все с той же красной сумочкой, которая почему-то была не в правой руке, как обычно, а в левой. Она очень торопилась, после замедлила шаги и прошла мимо меня, отвернув голову, как это было до нашего знакомства.

— Прошу вас... — начал было я. — Почему...

Она прошла мимо, очень рассерженная и разочарованная. После она сошла с тротуара, сделала круг на проезжей части моста, ловко лавируя между машинами. Среди автомобилей было несколько таких, которые, как и первый, ехали задом наперед или с колесами, вращающимися в противоположную сторону.

Меня очень насмешила одна пара, мужчина и женщина, которые сначала прошли мимо меня, а после вернулись, двигаясь задом наперед, а после снова пошли, как нужно, и так было несколько раз...

Я опять что-то подумал о приборе, который был в сумке, но теперь мой взгляд упал на электрические часы, они по-прежнему показывали половину шестого, хотя, по моему, с момента нашей встречи прошло по крайней мере минут десять.

— Я не опоздала? — спросила она, немного задыхаясь.

— Нет...

— Счастливая парочка!

Это опять прокричал шофер того самого такси, но теперь оно ехало нормально.

— Нахальный парень, — пробормотал я. — Правда, он нахальный? Куда это вы только что исчезали?

Она хихикнула и попятилась назад. Конечно же, она двигалась назад, а ее ноги ступали вперед! Как я не заметил этого сразу? Я никогда ни у кого не замечал такой манеры ходить! Но если у автомобилей колеса вертелись не так, как нужно, то почему бы и людям не передвигать ноги так, как им это нравится?

Часы на набережной по-прежнему показывали половину шестого. Теперь я был уверен, что прибор работает! Но только никак не мог понять, в чем ошибся Горгадзе.

Было еще одно, что я заметил сразу, с того самого момента, когда в сумке щелкнул прибор.

Я ничему не удивлялся! Все, что случилось и что случится, так и должно быть! Вернее, здесь может быть что угодно...

И если сейчас она идет уже по этой стороне моста, то так оно и должно быть. Прошла мимо? Ну и что же...

Это такси начинало действовать мне на нервы. Сколько раз можно вот так, как попало, приезжать и уезжать. И шофер не отличался остроумием — повторял одно и то же.

Поэтому я взял ее за руку, и мы пошли на набережную, где рабочие снимали трамвайные пути, ковыряя гранитную брусчатку и поддевая ломami шпалы. Эти пути уже были сняты когда-то, но это не имело никакого значения, потому что в следующее мгновение по ним снова прошел красный трамвай, с колесами, вращавшимися в противоположную сторону.

— Я не опоздала? — снова повторила она надоедливый вопрос, и я ответил, что нет и что все это чертовски скучно.

— Счастливая парочка!

Нет, нам решительно не избавиться от этого таксиста! Если он появится еще раз, мы просто сядем в машину.

Шофер не заставил себя ждать, подъехал как-то боком и, лукаво подмигнув, крикнул свое.

Дверь машины отворилась не наружу, а внутрь, и из машины послышался мрачный голос:

— Занято...

Действительно, забившись в угол, сидел человек в шляпе, надвинутой на глаза, с высоко поднятым воротником. Кроме того, водитель был уже другим.

— Нам сегодня не везет, — пробормотал я в пустоту.

Часы показывали половину шестого, и мне, конечно, нужно было торопиться на свидание. Теперь я знал, что должен сделать. Нужно крепко взять ее за руку и никуда не отпускать!

Нет, конечно, она не опоздала. Когда мужчина и женщина два или три раза продефилировали мимо нас, я повел ее туда, где рабочие уже не снимали трамвайный путь, а где теперь была пустынная площадь, обсаженная вокруг молоденькими липками.

Вести ее не составляло никакого труда, хотя она шагала в другую сторону и даже иногда куда-то бежала.

Пусть себе бежит — она все равно рядом со мной и повторяет один и тот же надоевший вопрос.

— Занято, — сказал кто-то прямо мне в ухо, и тот, кто сидел в углу автомобиля, повернул ко мне свое лицо.

Это была женщина.

Мы перебежали площадь, а после бежала только она, а я медленно шел рядом, крепко держа ее за руку, чтобы не повторять всю эту идиотскую историю со свиданием на мосту.

Солнце было еще высоко, а мы оказались на набережной и двигались в сторону парка.

Колесо обозрения, переполненное весело визжавшими детишками, пока не крутилось. Оно совсем не крутилось, а контролер впускал одну группу ребят и выпускал другую — тех, которые уже получили удовольствие. Было удивительно смотреть на их счастливые возбужденные лица и на то, как они рассказывали о своих впечатлениях родителям. Только колесо продолжало стоять на месте, а поток ребят не прекращался.

Где я видел ту женщину, сидевшую в такси? И когда же завертится это колесо?

А она рассмеялась рядом со мной и опять спросила:

— Я не опоздала?

Качели почему-то в половине шестого не пользуются успехом, хотя и качаются пустые. А одна ладья застыла в высоко поднятом положении с одним-единственным пассажиром, тем самым, которого я видел все в том же идиотском такси.

Несколько лодок на реке плавали боком, то приближаясь, то удаляясь друг от друга. Это было похоже на странный танец, и исполнять его, по-видимому, было нетрудно, потому что течение реки прекратилось, и лодки всегда могли остановиться в любом месте. Для этого не нужно быть искусным гребцом, а стоило только поднять одно весло, а другим грести, как вон тот дядя с бородой, или опустить оба весла в воду, как та девушка в синем купальнике, или просто лежать на дне лодки и ровным счетом ничего не делать...

А когда она поднялась со дна лодки, у меня мелькнула мысль, что пора прекратить это и идти дальше. Я еще крепче стиснул ее руку, и тогда мы оказались уже не в парке, а на другой его стороне, на лугу.

Я знал, что сейчас все еще половина шестого и торопиться некуда. Она несколько раз пробежала мимо меня, хотя я все еще держал ее за руку, а потом мне пришлось идти обратно в парк и буквально вытаскивать ее из этой дурацкой лодки — нельзя же без конца лежать на дне, тем более что оно сырое и легко можно простудиться...

Ветра не было, но верхушки некоторых деревьев гнулись в разные стороны.

За лугом виднелись камышовые заросли, а там начиналось озеро, куда впадала река.

Конечно, для того чтобы добраться до озера, не нужно было хлюпать по воде среди камышей, тем более что она бежала впереди, по тропинке, которая образовалась после того, как прошел я. Один раз она оказалась в самом начале камышовых зарослей, когда мы уже их прошли насквозь.

Один раз мне стало очень смешно, когда она без всякой причины появлялась то тут, то там, — Горгадзе, конечно, все перепутал, потому что нет ничего смешнее, чем события, которые совершаются вне времени. Их можно назвать событиями лишь с некоторой натяжкой, потому что они происходят как

попало. Река давно перестала течь, а лодки продолжали свой медленный танец, и она часто оказывалась в лодке, или в такси, или на качелях.

Мысли перескакивали с одной на другую, и в этом ничего не было удивительного. Они просто следовали за веселым калейдоскопом событий, а события могли быть какими угодно и совершаться в любом порядке.

Вот и сейчас она бежит по теплomu песку, хотя я догонял ее еще раньше и не отпускал ее руку.

Если бы не это неподвижное колесо обозрения и не этот непрерывно обновляющийся поток детей, мы бы давно обошли камыши! Наверное, колесо так и не завертится, потому что лодки на реке все время плавают только боком и течения совсем нет...

Я подумал, что ей действительно не следовало лежать на дне сырой лодки и тратить деньги на такси, чтобы вовремя попасть на мост. Она доехала до моста, а пришла ко мне с противоположной стороны и, значит, ничего не выиграла. Ведь часы все равно, как и теперь, показывают полшестого.

Но у нее, вероятно, было свободное время и для качелей и для лодки, и вообще, может быть, она в половине шестого выходная.

Горгадзе мог бы меня предупредить, что когда начнет работать стробоскоп времени, то не нужно ломиться в занятое такси, а после держать ее крепко за руку, когда машина уже тронулась.

Когда мы уже в третий или четвертый раз пробирались сквозь камыши, я начал подозревать, что вся эта прогулка к неподвижному озеру ровным счетом ничего не значит по сравнению с колесом обозрения. Нам приходилось к нему возвращаться снова и снова, чтобы после удивляться качелям и лодкам на реке.

А озеро как озеро. Оно всегда такое. В него впадает река, а само оно никуда не течет.

На нем нет волн, над ним не веет ветер, и вообще здесь очень пустынно и грустно.

Она вытянулась на теплом песке и положила голову мне на колени. Но это только показалось, потому что в действительности она по-прежнему пятилась назад, а я оказался впереди нее и помчался что есть мочи к мосту, чтобы не опоздать на свидание.

А она продолжала лежать на песке и смотреть на неподвижное мутное озеро, где все застыло и в глубинах которого могло случиться что угодно. Точь-в-точь, как в этом мире без времени... Это озеро очень мутное и очень неподвижное. Оно фактически никуда не вытекает, хотя некоторые ученые утверждают, что на самом дне есть расселина, которая соединяет его с подземным океаном, тоже неподвижным и черным, как пустая вселенная.

Может быть, это и так, иначе трудно объяснить, куда девается речная вода, которая тоже не течет, пока она лежит на дне сырой лодки.

И все же на свидание нельзя опоздать. Озеро здесь ни при чем. И после того как мои товарищи пожали мне руку и Гор-

гадзе кивнул головой, я стоял на середине моста и напряженно смотрел на ту сторону, где часы показывали половину шестого.

Она подошла ко мне торопливой походкой.

— Я не опоздала? — спросила она, немного задыхаясь.

— Нет...

В это мгновение я услышал щелчок в моей сумке.

Теперь все было так, как и должно быть.

Я привлек ее к себе и поцеловал в губы.

— Счастливая парочка! — крикнул промчавшийся мимо таксист.

РАЗМЫШЛЯЯ О ВРЕМЕНИ...

Стало почти очевидной истиной выражение: «Самое простое — самое сложное». Если под простым понимать то, к чему мы привыкли и над чем не задумываемся, хотя и встречаемся почти непрерывно, то под это определение «простого» подходит и знакомое нам всем время.

О времени можно рассуждать без конца именно из-за его кажущейся простоты, обыденности, неизбежности, одним словом, потому, что оно якобы не содержит в себе больше того, что людям нужно в их повседневной жизни.

«У меня не хватает времени...», «Время промчалось незаметно...», «Это было хорошее время...», «Наступит время...»

Мы произносим эти фразы по несколько раз в день, будучи уверенными, что понимаем всю глубину их содержания, не задумываясь над тем, что мы в действительности имеем в виду.

Эта кажущаяся простота понятия времени объясняется тем интуитивно воспринимаемым ощущением, что мы сами постоянно находимся в его непрекращающемся потоке, что оно «все время» с нами, мы чувствуем его бег, мы умеем просто и удобно его измерять при помощи часов, и что вся наша жизнь «расписана» по времени так, что наше сознание привыкло к нему как к чему-то естественному и неизбежному.

Субъективному ощущению времени в немалой степени способствует то, что ученые называют «биологическими часами», — физиологические процессы, связанные с определенным периодом, которые совершаются внутри живых организмов, в том числе и внутри человеческого организма.

О времени, его сущности и его природе рассуждали и писали с незапамятных времен философы и ученые, и не следует думать, что и сейчас вопрос о том, что такое время, окончательно решен. Как и всякое фундаментальное свойство мира, время обладает качествами и особенностями, которые непрерывно познаются со все большей глубиной по мере развития науки вообще. В конце прошлого столетия понятие времени было подвергнуто глубокому анализу Фридрихом Энгельсом, который на основе новейших достижений естествознания дал классическое определение времени как формы существования материи и, следовательно, объективной реальности, существующей независимо от познающего время «Я».

С тех пор стало ясно, что время, как и пространство, неотделимо от материи и что вне материи понятие «время» не имеет смысла.

Вечное, непрерывное движение, совершаемое материей, происходит во времени, и если бы представить фантастический мир, где вдруг исчезла бы материя и, следовательно, всякое движение, то говорить о течении времени в таком мире было бы совершенно бессмысленно.

Теория относительности показала, что время не обладает «универсальной» скоростью течения и что ход времени тесно связан со скоростью движения материи. Этот некогда парадоксальный вывод в настоящее время подтвержден прямыми измерениями времени жизни некоторых ядерных частиц, для которых оказалось, что их «время жизни» тем большее, чем быстрее они движутся.

Таким образом время приобрело свойство относительности и перестало быть тем «абсолютом», который ввел в точную науку Ньютон.

Именно эйнштейновские рассуждения об относительности времени вдохновили Герберта Уэллса написать свою «Машину времени».

Знаменитый путешественник по времени рассуждал так:

«Пространство, как понимают его наши математики, имеет три измерения, которые называют длиной, шириной и высотой... Однако некоторые философские умы задавали себе вопрос: почему же могут существовать только три измерения? Почему не может существовать еще одно направление под прямым углом к трем остальным?.. Ученые,— продолжал путешественник по времени, помолчав для того, чтобы мы лучше усвоили

сказанное,—отлично знают, что Время только особый вид Пространства».

Для удобства описания явлений природы ученые — математики и физики — привыкли объединять пространство и время в единый четырехмерный мир, и это объединение породило надежду осуществить путешествие во времени.

Если можно передвигаться в любом направлении в пространстве, то почему нельзя перемещаться во времени? Ведь оно не менее реально, чем и само пространство.

Со времен Уэллса почти все писатели, которые увлекаются жанром научной фантастики, в различных вариантах писали о путешествиях по времени. В этих путешествиях рассказывается и о перемещении в Прошлое, и о перелетах в Будущее, и о том, как время полностью остановилось.

Научная фантастика — это не тот жанр литературы, который правомерно подвергать строгому научному анализу. Очень часто фантастический элемент придумывается писателем вовсе не для доказательства или опровержения научной идеи. Эта литература часто смыкается с обыкновенной сказкой, и обвинять писателей в прегрешении против научной истины можно лишь в той степени, в какой их произведения претендуют на научность.

Фантастическая литература о путешествиях во времени столь обширна и многообразна, что вполне имеет смысл подумать о реальной природе времени и всех тех понятиях, которые с ним связаны.

Непреложной и понятной для любого человека является истина, что время течет из прошлого, через настоящее в будущее. В отличие от пространства, которое является симметричным относительно прямого и противоположного перемещения, время имеет лишь одно направление. Если стрелкой изобразить течение времени, то эта стрелка всегда устремлена в одну сторону — в будущее. Это свойство времени ученые называют однонаправленностью.

В отличие от пространства время обладает еще одним важным свойством, которое называется линейностью. Действительно, для того чтобы определить положение в пространстве, нужно знать три числа, три координаты, соответствующие расстояниям данной точки от трех выбранных плоскостей. Для определения «положения» какого-либо события во времени достаточно только одного числа: значит, в отличие от трехмерного пространства время одномерно.

Из этих очень понятных свойств времени следует один очень важный вывод. Путешествуя в пространстве, мы можем попасть из одной точки в другую бесконечным числом путей. Эти пути могут быть выбраны таким образом, что ни при каком путешествии мы не будем дважды перемещаться через одни и те

же пункты. Или, наоборот, пути из одного пункта в другой могут сколь угодно большое число раз пересекаться.

Ничего подобного в «путешествиях» во времени не может быть. Все события, совершающиеся в мире, лежат «на одной линии», и эта линия и есть единственный маршрут из прошлого в будущее.

Мы употребляем слова «прошлое», «настоящее» и «будущее» в таком смысле, будто они полностью исчерпывают свое реальное содержание.

Однако для более глубокого понимания сущности времени нужно разобраться, что же эти слова в действительности означают.

Прошлое — это то, что было, что уже совершилось вчера, позавчера, год, десять лет, миллиард лет тому назад. Прошлое либо «хранится» в нашей памяти, либо «запротоколировано» в сочинениях летописцев и историков, либо зафиксировано на объектах археологических или палеонтологических находок.

Прошлое нельзя вернуть и изменить. Его можно лишь изучать с тем большей точностью, чем большими материалами мы располагаем для того, чтобы его «воспроизвести» в будущем.

Для воссоздания прошлого в кинокартинах или в произведениях литературы авторы вынуждены скрупулезно изучать «протоколы» прошлого: записи, фотографии, рисунки, реликвии.

Именно в этом смысле для человека в его реальности прошлое тоже реально, хотя не существует способа зафиксировать прошлое во всех его бесконечных деталях. Но мы знаем, что эти бесконечные детали прошлых событий существовали, хотя нам известно лишь о некоторых из них. Уверенность в этом утверждается еще и тем очевидным фактом, что наше настоящее — это результат прошлых событий, или, говоря языком науки, следствие прошлого развития, а само прошлое является причиной настоящего и будущего.

Мы знаем, что в мире не существует беспричинных явлений и, значит, всякое событие, с которым мы сталкиваемся сегодня или столкнемся в будущем, причинно обусловлено прошлым.

Если перенестись в фантастическую обстановку, где, скажем, время остановилось, то в таком мире не существовало бы никакой причинно-следственной связи между событиями.

В реальной жизни такого, конечно, не бывает и не может быть.

Итак, прошлое реально и неизменно, а в силу однонаправленности времени и его одномерности путешествие в прошлое лишено всякого научного смысла.

Будущее тоже обладает интересными свойствами. Оно нереально в том смысле, что то, что должно совершиться, еще не совершилось.

Однако, зная законы природы и законы развития человеческого общества, мы тем самым можем в меру наших знаний предсказывать будущее и в известной степени влиять на него. Скажем, я утверждаю, что 1 января 1967 года солнце в Москве взойдет в 9 утра. С той же уверенностью я могу предсказать и другие будущие события, связанные с астрономическими явлениями. Я могу предсказать, что если завтра, в двенадцать часов дня я солью вместе две жидкости — раствор азотнокислого серебра и раствор хлористого натрия, то выпадет осадок в виде хлористого серебра. Я могу утверждать, что если я поверну через час выключатель, то загорится электрическая лампочка.

Лучший пример предвидения исторических тенденций на основе изучения закономерностей развития общества являет нам марксистский анализ капиталистической формации. Основоположники теории марксизма-ленинизма предсказали неизбежную смену этой формации более прогрессивной коммунистической и ее начальной ступенью — социалистической формацией.

Но в мире наряду с закономерными явлениями существуют еще так называемые случайные явления, которые отражают также объективную необходимость. Случайные явления кажутся нам «случайными», то есть якобы «беспричинными», потому, что мы либо не раскрыли все законы природы, либо знаем их недостаточно точно, либо количество причин, обуславливающих «случайное» явление, столь велико, что мы их в настоящее время не можем учесть. Например, мы можем с уверенностью сказать, что в будущем году в атмосферу Земли из космического пространства ворвется несколько метеоритов, но мы не можем точно сказать, когда это будет. В большом городе пока что происходят автомобильные катастрофы, и мы уверены, что они произойдут через два месяца, но мы не знаем точно, когда и какой автомобиль попадет в аварию.

Случайные события в будущем, непредсказуемость которых отражает меру нашего незнания объективного мира, создают у людей впечатление «неизбежной судьбы», «рока», хотя при этом забывают, что было время, когда «судьба» руководила и солнечными затмениями.

Из приведенных рассуждений следует, что будущее «создавалось» в прошлом и «создается» в настоящем, но его пока что нет.

Таким образом, путешествие в будущее так же фантастично, как, например, вселение в дом, который еще не построен и существует только в чертежах.

Любопытными свойствами обладает настоящее, то есть момент времени, в котором мы живем. Во всем потоке времени это единственный момент, в реальности которого никто не сомневается. Однако эта реальность особого рода. Она мгновенна, и то, что есть теперь, через мгновение оказывается в прошлом, а то, что секунду тому назад было в будущем, оказалось

«теперь»... Реальный момент времени подобен мчащемуся по рельсам поезду, который находится возле данного светофора и одновременно проносится мимо него.

Настоящее можно зафиксировать в мгновенной фотографии или зарисовать, и тогда оно представится неподвижным и застывшим.

В настоящем мы наблюдаем вечное движение и изменение мира, и именно оно дает нам представление об объективном характере времени как формы существования материи.

Как говорят физики, настоящее — это «сечение» четырехмерного мира в фиксированный момент времени.

Поскольку поток времени линейный, сечение линии представляет одну точку, а точка, как известно, не имеет измерений. Поэтому настоящее не имеет никакой протяженности во времени.

Любопытно, что некоторые законы природы совершенно «безразличны» к тому, в каком направлении течет время. Например, все законы механики были бы справедливы, если бы время потекло вспять — из будущего через настоящее в прошлое.

Однако это касается только «простейших» законов. Можно на киоленте сфотографировать движение автомобиля, а после прокрутить эту ленту в обратном направлении. То, что автомобиль при этом поедет задом наперед, никого не удивит, потому что машина снабжена обратным ходом. Однако прокрученные наоборот кадры, изображающие, как упавшее на асфальт разбитое яйцо превращается в целое, заставят зрителя смеяться. Такого в реальном мире никогда не бывает.

В чем здесь дело?

Физика знает два вида процессов. Одни называются обратимыми, другие — необратимыми. Обратимые процессы таковы, что они могут с успехом совершаться в прямом и обратном направлениях. Обращение таких процессов допускается законами природы, оно им не противоречит.

Что касается необратимых процессов, то они однонаправлены, и их обращение не наблюдается.

Самым понятным для человека необратимым процессом является процесс старения.

Еще никто никогда не наблюдал, чтобы организм из старого превращался в молодой. Сам человек, рождаясь, непрерывно стареет, и как это ни печально, этот процесс всегда заканчивается смертью и полной деградацией вещества, из которого построен организм. Кстати, эта необратимость и неизбежность «судьбы» живого организма особенно остро заставляет чувствовать однонаправленность течения времени из прошлого в будущее.

Однонаправленность времени тесно связана с необратимостью некоторых физических процессов, а определенные направления времени осуществляется путем его сравнения с необратимыми процессами.

Подводя итоги, нельзя не вспомнить об одной научно обоснованной (во всяком случае, еще не опровергнутой) «возможности» совершить путешествие в будущее, которая предсказывается теорией относительности. Эта «возможность» также используется писателями-фантастами.

Сейчас ученые довольно часто дискутируют так называемый эйнштейновский «парадокс близнецов». Если один из братьев-близнецов совершит путешествие на ракете, которая будет лететь со скоростью, близкой к скорости света, то, вернувшись домой, он окажется значительно моложе того, кто остался на Земле. Да и вообще согласно теоретическим выкладкам между двумя близнецами возникнут серьезные разногласия относительно времени и календаря. Тот, который летал на ракете, якобы окажется в будущем.

Отвлекаясь от серьезных затруднений, которые возникают при объяснении этого парадокса, нужно отметить, что речь идет не о путешествии в несуществующее будущее, а о возвращении в мир, где время текло быстрее, чем время в космическом аппарате. Пример аналогичного «путешествия» в будущее представил тот же Герберт Уэллс в романе «Когда спящий проснется».

Правда, субсветовой космонавт не будет все время спать, но, если верить теории, все физические и химические процессы на корабле, а также и в его организме будут столь замедленными, что аналогия если не со спящим, то с дремлющим человеком здесь вполне допустима.

Степень наших научных знаний о времени дает нам уверенность утверждать, что совершаемые героями фантастических произведений путешествия во времени действительно фантастика. Машина времени, по видимому, относится к таким «изобретениям» человеческого ума, которые никогда не будут реализованы.

А. П. МИЦКЕВИЧ,
кандидат физико-математических
наук